

такое возможно среди людей?

— Они не хотели об этом рассказывать?

— Да, о пережитых личных терзаниях они не хотели говорить. Они всё чаще говорили «мы», обобщая страдания. Сглаживая в какой-то степени этим обобщением глубину личной травмы.

Видимо, так устроена человеческая психика — пережитое вместе горе не так унизительно.

Даже прожив долгие годы после освобождения «на воле», они неохотно рассказывали о самой большой трагедии, которую только может пережить женщина-мать. О том, что многие, вернувшись из лагерей, так и не смогли найти общий язык со своими повзрослевшими, выросшими в советском социуме детьми.

В фильме есть эпизод, посвященный актрисе Кэтеван Орахелашвили — жене известного грузинского композитора Микеладзе. Она тоже была «алжиркой», сидела вместе с моей бабушкой. Её сослали с двумя детьми-подростками 12 и 16 лет. Детей как «переселенцев» разместили отдельно от матери, за пределами лагеря. А Кэтеван как политзаключенная находилась за решёткой. Душа разрывалась оттого, что она не может помочь своим детям.

Через какое-то время она сошлась с одним из «особистов». Родила сына — Колю Дроздова. Особист оказался неплохим человеком. Через него она передавала своим детям и пищу, и тёплую одежду... После освобождения Кэтеван с сыном и мужем вернулась в Тбилиси. Но повзрослевшие дети так и не смогли смириться с новой семьей своей матери. Внутренние конфликты были следствием неизбежной ревности, рожденной, как им казалось, дефицитом материнской любви. И долго-долго не утихала эта боль у всех участников этой трагедии. Понимание, что мать не только дала им возможность ВЫЖИТЬ, но и как живой человек имела право на любовь, пришло много позже.

У меня осталось много не вошедших в фильм материалов. Если бы появилась такая возможность, я бы сняла еще один фильм. О глубине и силе, о красоте и хрупкости женской души. Ведь так просто осуждать! А быть женщиной, матерью — куда труднее.

Есть афоризм: «Здоровье государства определяется отношением к женщине».

Про наше государство мне понятно. А вот наши женщины, которые смогли такое вынести, — для меня загадка...

— Так Вы говорите, не все тюремщики были плохими людьми?

— Думаю, что и в лагерях, по ту сторону колючей проволоки, работали в основном такие же жертвы системы. По сути, они так же не были свободны. Многие зависели от личной человеческой составляющей.

В лагере начальники менялись, были жестокие, злые, но были и «добрые». «Хороший начальник» — звучит странно для нашего уха?

Но были такие. Имя «хорошего начальника Баринова» запомнила даже я, потому что бабушкины «алжирки» часто его поминали добрым словом. Он, в меру своих возможностей, как начальник лагеря, пытался как-то облегчить их лагерное существование.

Самой большой болью для женщин была разлука с детьми. Бабушкин сын Алёшка сначала жил у Анатолия Головни — моего деда. Помните, после ареста бабушки он забрал всех детей из детприёмника? А когда началась эвакуация, тётя Полина, бабушкина сестра, схватила Алёшу и уехала куда-то в Алма-Ату. Вскоре Полина умерла, и бабушка потеряла след сына.

Где он и что с ним? Когда связь с сестрой вдруг прервалась, бабушка бросилась в ноги к этому Баринову, умоляла дать ей возможность разыскать и привезти сына. Сначала он наотрез отказался. «Идет война, ты политзаключенная. Я не могу рисковать со-

бой». Потом сжалился. Он выдал ей справку, что такая-то «вольнонаемная» отправляется в такую-то командировку. Сказал, поезжай, но если попадешься, я тебя не знаю, у меня свои дети, жена. Я их жизнями играть не могу. А сумеешь — привози своего сына сюда.

Каким-то чудом бабушка разыскала сына. Ему уже исполнилось лет пять. Голодный, весь в чирьях, он встретил её словами: «Если ты моя мама, то дай мне хлебушка». Она привезла его в лагерь. Это был первый привезённый в лагерь ребёнок. Женщины его чуть не растерзали. Обезумевшие от тоски по собственным детям, они хотели хоть дотронуться до чужого ребёнка, погладить по головке...

Позже Баринов организовал при лагере детский садик. Нет-нет, а кто-то с его разрешения привозил своего малыша... А некоторые женщины и рожали там: и от охранников, и от уголовников, и от политических... Жизнь брала своё. Кто смеет их судить за это? Разве можно называть их предательницами или подлыми за это?

А Баринова они ценили.

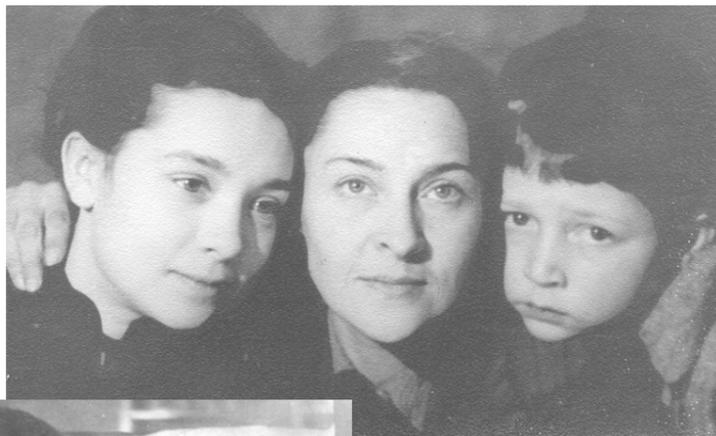
— Вы не нашли его во время съёмки фильма?

— В 1990 году, когда мы со съёмочной группой приехали на «26-ю точку Карлага» в посёлок Долинку, я нашла его в полуразрушенном саманном домике, где он жил со своей женой. Оба больные, полуслепые, жена почти оглохла. Нищета, убогость во всем. На столе — несколько засохших пряников.

Старики обрадовались консервам, маслу, печению, которые мы, по совету Оксаны, привезли с собой. Их встреча, начальника и заключенной, была трогательно-трагичной. Встретились две сломанные жизни.

Они обнимались, плакали и оба повторяли: «За что?!»

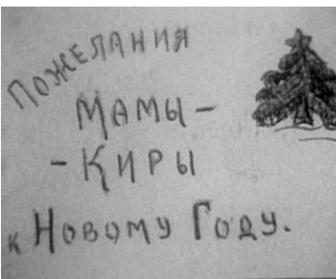
Оксана была поражена тем, что нашла Баринова нищим. «Ладно, я нищая! У меня только и есть, что «персональная» пенсия. Но у него-то почему такая нищета? Он же

Л. Бабушка после лагеря с дочерью Оксаной и сыном Алешей

Алеша Бабицкий, первый привезенный в АЛЖИР ребенок

«Открытка» из лагеря

нашему Государству служил, а у него пенсия меньше моей? Баринов, по сути, тоже жертва социального и идеологического обмана.

— Мы все время забываем прошлое. И оно неизбежно повторяется. Что нужно сделать, чтобы выйти из этого порочного круга — коммунистического прошлого?

— Если бы я знала, как это сделать безболезненно и бескровно, я, наверное, была бы президентом.

Почему-то каждое последующее поколение не учитывает опыт предыдущего. По большому счёту, то, что мы имеем сегодня, мало отличается от того, в чем обвиняются коммунисты тех лет. Всё та же иерархия власти, всё тот же авторитаризм, всё так же убирают несогласных, всё то же отсутствие свобод.

Царствует система двойной морали, которая погрязла в информационном шуме. Попробуй-ка, разберись, где правда, а где ложь!

Сегодняшняя демократия, в реальности, это псевдодемократия. По сути, это власть ради власти. И народ, увы, как всегда, лишь жалкий инструмент для её достижения.

Что касается общественного сознания, то для меня это очередной пустой звук. Народ должен, прежде всего, обрести собственную гордость, и только после этого он станет сильным. Поэтому начинать надо с себя, со своей семьи, с ближайшего окружения.

Я думаю, что очищение сознания должно происходить ежедневно. И это очень индивидуальный

процесс. Личностный. Пошаговый анализ прожитых дней. И не дай Бог, приучиться оплёвывать свое прошлое, чтобы оправдать настоящее. Надо учиться у Сенеки «отмечать светлые мгновения». А они есть во все времена.

А вот «общественное сознание» для меня пока что — это некое «облако в штанах».

— Вы хотите сказать, что надо пробудить человека в человеке? Что может объединить сегодня разные народы и народности,

что-то делать, чтобы жизнь в стране изменилась?

— Сейчас, будучи взрослым человеком, я понимаю, что прежняя государственная система была выстроена так, что мы жили между полом и потолком. Наше стремление к полёту ограничивал потолок, но и упасть ниже пола мы не могли. Не было бомжей, не было безработицы, были социальные льготы, пенсии (мне на свадьбу бабушка-пенсионерка подарила холодильник!), дети ходили в детский сад, отдыхали в лагерях, посещали спортивные секции и кружки по пению, я могла спокойно получать образование, мои дети тоже. Да, хотелось свободно ездить за границу, посмотреть мир, хотелось избавиться от идеологического гнёта.

Когда началась перестройка, появился Горбачев, мы, ошалевшие от радости, носились по коридорам студии в ожидании перемен. Казалось, стоит только приоткрыть дверь, и оттуда хлынет пьянящий воздух свободы. И наша серая действительность приобретёт многоцветие настоящей жизни! Никто же не думал, что мы выпускаем своего джина из бутылки, а в приоткрытую дверь ворвутся чужие тёмные силы.

Тоскую ли я по советским временам? Там было много изъянов, но было и много хорошего. Ведь не мог же многомиллионный народ прожить впустую более 70 лет. Была и электрификация, и стройки Сибири, и атомная бомба, и освоение Арктики, и Космос, и прекрасная литература, неплохой театр и любимый народом кинематограф. Кстати, нынешние демократы тоже родом оттуда же.

И не стоит «пить из черепа отца». Человечество пока не сумело определить, какая социальная система наиболее пригодна для жизни. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

— А что Вы скажете об обществе, в котором мы живем сейчас?

— Страшное общество. Из него вычеркнута духовная составляющая, что превратило его в сообщество пожирателей. Власть денег убила все живое.

По рублю, по доллару в каждом глазу — и нет живого человека.

А то, что всё-таки есть молодёжь, у которой не благодаря, а вопреки, существуют идеалы гармонии и красоты, чести и достоинства, говорит о неубиваемости добра. Мой старший внук растёт таким. А значит, нет смысла сдаваться «на волю победителя». Стоит работать и жить, ради того, чтобы эти пока робкие ростки, придавленные коллективным злом пресловутого «общественного сознания», вошли в силу, пробили слипшуюся грязь и дали начало осмысленным переменам. С учетом всех предыдущих ошибок.

А начинать надо с себя. Как говорил Лев Толстой, «спасись сам и вокруг тебя спасутся другие».

Ульяна КИМ

Печатается с сокращениями.

Полный текст: [http://www.](http://www.epochtimes.ru/content/view/54576/54/)

[epochtimes.ru/content/](http://www.epochtimes.ru/content/view/54576/54/)

[view/54576/54/](http://www.epochtimes.ru/content/view/54576/54/)

— У Вас была мысль, что надо